

УДК 304.444

*Скрыльников П.А.
Skrylnikov P.A.*

Неоязычество сегодня: движение Merjamaa в региональном и общероссийском контексте

Neopaganism today: Merjamaa movement in the regional and Russian context

В данной статье освещены различные аспекты этнокультурного активизма, направленного на реконструкцию этнической идентичности народа меря. Рассмотрено отношение представителей движения к собственно мерянскому и русскому культурному наследию, а также способы реконструирования идентичности и сходство движения меря как явления этнической и религиозной жизни с русской формой неоязычества, родноверием.

Ключевые слова: *меря, язычество, неоязычество, родноверие, реконструкция, русские*

This article highlights various aspects of ethnic and cultural activism aimed at the reconstruction of the ethnic identity of the people of Merya. The views of the representatives of the movement on the Merya and Russian cultural heritage are researched, as well as methods for reconstructing the identity and similarity of the Merya movement as a phenomenon of ethnic and religious life with the Russian form of neopaganism, Rodnoverie.

Key words: *merya, paganism, neopaganism, rodnoverie, reconstruction, russians*

Говоря о неоязыческих реконструкторских движениях, нельзя не принимать во внимания разнообразие источников и форм идентичности их участников. Среди них присутствуют и различные субкультуры, и политические течения (далеко не всегда националистического характера), и собственный религиозный опыт, или поиск такого опыта. В сложившемся обыденном словоупотреблении термины «родноверие», «язычество», «неоязычество» зачастую являются синонимами, обозначающими, как правило, новые религиозные движения, реконструирующие предполагаемый облик дохристианских верований русского (или славянского) народа. Однако сводить неоязычество как явление только к ним было бы некорректно. В широком смысле неоязычество можно назвать этнофокусированным и религиозно окрашенным поиском русской идентичности. Однако общая направленность на то, чтобы зацементировать собственную идентичность, найти её точки соприкосновения с окружающей действительностью, миром, природой, языком, подчас принимает самые причудливые формы и приводит русских – а активисты меря, в основ-

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00379а «Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов (на материале полевых этнографических и этнолингвистических исследований в Костромском крае в XX – XXI вв.)»

СКРЫЛЬНИКОВ Павел Андреевич, аспирант Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН (г. Москва). **E-mail:** withwings@mail.ru

ном, выстраивают самоидентификацию именно от этого этнонима – к совершенно несхожим с предполагавшимся первоначально результатам.

Рассматривая мерянский активизм в контексте изучения неоязыческих течений, имеет смысл осветить некоторые работы, посвящённые данной проблематике. Исследование неоязыческих реконструкций в России представлено работами В.А. Шнирельмана («Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России» – М.: ББИ, 2012; «Неоязычество на просторах Евразии»/ под ред. В. А. Шнирельмана. – М.: Библиейско-богословский институт, 2001), О.И. Кавыкина («"Родноверы". Самоидентификация неоязычников в современной России» М. – 2007), О.А.Сморжевской, Р.В.Шиженского («Современное язычество в религиозно-культурной жизни: исторические очерки» – Н. Новгород: НГПУ, 2010; «Женский вопрос в мировоззренческом дискурсе языческих радикалов XXI в.» // Экстремизм как цивилизационный вызов: коллективная монография/ науч. ред. д-р филос. наук, профессор В.Ш. Сабинов., Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин), 2012; «Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А.А. Добровольского)» – 2-е изд., испр. и доп. М.: Орбита-М, 2013). Проблематикой неоязыческих течений в Беларуси занимается А.В. Гурко («Новые религии в Республике Беларусь: этнологическое исследование» – Мн., 2003; «Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи» – Мн., 2006; «Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси: Учебное пособие» – Мн., 2000 (в соавторстве); также А.В. Гурко выступил соавтором В.А. Шнирельмана в работе «Неоязычество на просторах Евразии»). Видный деятель украинского неоязычества, Галина Сергеевна Лозко, является также автором посвящённых реконструкторским религиозным течениям работ, среди которых можно выделить «Пробуждена Енея: Європейський етнорелігійний ренесанс» (Харьков, 2006), в которой рассматривается состояние «родной веры» в славянских странах, странах Прибалтики, Центральной, Южной и Западной Европы. В том числе даётся краткая справка о состоянии этнорелигий финно-угорских народов; тема мерянского активизма при этом не затрагивается, однако освещён пантеизм в республике Марий-Эл, к которому представители современных меря испытывают большой интерес, а также Международное Уральское сообщество древних религий, организованное в 2001-м году «представителями коренных религий финно-угорских народов – еести, марий, ерзя, суоми» [2]. Также в 2006 в Киеве была издана работа Г.С.Лозко «Європейський етнорелігійний ренесанс: витоки, сутність, перспективи (на матеріалі відродження етнорелігій у європейських країнах)».

Если говорить о научной литературе, которой пользуются сами меряне, то это преимущественно этнографические материалы: сочинения графа Уварова, среди которых – «Меряне и их быт по курганным раскопкам», Д.А. Корсакова («Меря и Ростовское княжество»), И.Е. Забелина; из современных авторов – работы Е.А. Рябинина, О.Б. Ткаченко, П.А. Травкина, А.Е. Леонтьева, А.К. Матвеева, Н.А. Кренке.

Этнокультурное движение меря, существующее на территории современных Ярославской, Ивановской, Владимирской, восточной части Московской и западной части Костромской областей (а точнее, его религиозную составляющую), является ярким и хорошо заметным примером существующего на территории России реконструкторского направления, не декларирующего себя славянским, но включающего близкие к русскому и славянскому неоязычеству неоязыческие элементы. Реконструкция традиции этого ассимилированного славянами финно-угорского племени проходит достаточно активно: так, функционирует ряд порталов (например, «Mejamaa» и «Меря мир»); повесть «Овсянки» мерянского пи-

сателя Дениса Осокина (Аиста Сергеева) была экранизирована в 2010 году, в 2012 был презентован мерянский флаг.

Можно выделить ряд направлений, по которым в основном развивается деятельность движения. Два из них – локализационное и религиозное – соотнесены с основными компонентами мерянской идентичности: региональным и локальным, связанным с историческим районом проживания племени меря, и религиозным, представляющим собой попытку реконструкции мерянских верований и приближающим движение в его задачах к родноверческому и неоязыческому в целом. Третий – своего рода арт-проект в русле этнофутуризма, призванный адаптировать мерянское наследие, каким его представляют себе активисты движения, к современному миру, и сделать его привлекательным и способным конкурировать с другими идентичностными концепциями – например, русским родноверием. В последний входит и попытка упорядочить имеющееся наследие мерянского языка.

Пожалуй, наиболее сложно и запутанно мерянская идентичность соотнесена с русской. На данный момент, несмотря на издание в 2013-м году этнокультурным обществом «Metsa Kunnta» – «Лесная община» – собственного словаря («Merjan Jelma – меряно-русский и русско-мерянский словарь. Мерянский ономастикон»), движение пишет и говорит по-русски и себя, так или иначе, его члены считают русскими – однако такая форма идентичности не устраивает их. В обзоре состоявшегося 27-го сентября 2015-го года в Подмосковье совместного моления марийцев и меря, широко освещавшегося активистами на сетевых ресурсах движения и в социальных сетях, мы можем увидеть слова, являющиеся, пожалуй, исчерпывающей характеристикой тех, кто называет себя меря, и их положения в общем этнокультурном поле: «Марийцы – финноязычный народ в центре России, сохранивший традиционную религию. Меряне – городские русские, которые обращаются к своим финским корням» [4]. Другое часто звучащее в контексте определения идентичности слово – пострусские.

Городские русские, вспоминающие о своих финских корнях, или меря, не сконцентрированы в конкретных областях или городах России; однако можно очертить районы, к которым тяготеет при своём конструировании их новая идентичность. Наиболее освещены в публикациях merjamaa.ru Ярославская и Костромская области; за ними идут Владимирская и Московская, а также Ивановская, Вологодская и Тверская. Заметка о городе Унорож на Тойге – предполагаемом автором центре «развитой производственной и торговой деятельности местных меря» [3] – не случайно озаглавлена «Контур мерянского». Разрозненное и присутствующее преимущественно в глобальной сети движение ставит своей крайней задачей становление мерянской этнической идентичности на своей базе, для которого требуется некая малая родина, земляками родом с которой меря могут себя ощущать уже сегодня. Основными центрами тяготения идентичности становятся для движения малые города. Собственно, привязывание к ним – Галичу, Солигаличу, Чухломе, Неё, упомянутому уже Унорожу – требует интерпретации славянской и русской истории этих городов для отражения в мерянской идентичности городской русской. Именно это и происходит:

«Я живу в Неё. Этот город из тех – о которых никто не думает. Река Нея – костромской лес между вологодским и вятским лесами. Нея впадает в Унжу. Правда, есть железная ветка. Сто лет назад здесь возник полустанок – названный городом в 1958-м. В полпути от Неи до Костромы – более примечательный Галич Мерьский на берегу Галичского озера. Севернее Галича – Чухломское озеро и город Чухлома. Прекрасные имена, оставшиеся от мери – финского племени – лет четыреста назад,

как известно, окончательно растворившегося среди славян. Это – некогда их северная окраина. Северные окраины всегда памятьнее. Тут многие мерей себя продолжают считать. Мерянского, конечно, не знают. Но иногда закрывают русскими кальками забытые мерянские смыслы» [7].

Упомянутое в повести наименование Галича, города в Костромской области – Галич Мерьский – не изобретение автора. Первое упоминание этого города в Лаврентьевской летописи звучит так: «Татарове [...] плениша все по Волзе, до же и до Галича Мерьскаго» [5]. Галичу посвящена отдельная статья серии «Потаённая меря», размещённая на ресурсе Merjamaa. Не меньшее внимание, чем самому городу, архитектурным достопримечательностям и его истории, уделено Рыбной слободе, расположенному неподалёку селу Унорож, горе Балчуг; однако основой материала о «потаённой мере» являются фотографии галичан и унорожцев: Галич Мерский (именно так, без мягкого знака, он назван в статье на сайте) предстаёт перед читателем понятием в большей степени антропологическим, нежели географическим. Собранный галичским краеведом Николаем Васильевичем Сотниковым материал о Рыбной слободе, примыкавшем к городу поселении озёрных рыбаков, был использован при составлении словаря мерянского языка. В самой же Рыбной слободе вплоть до, как минимум, начала XIX века существовал елманский язык, или же галивонский алеман, использовавшийся местными жителями. Его сводный словарь предоставил в своей работе «Галивонские Алеманы. Условный язык галичан (Костромской губернии)» Н.Н. Виноградов в 1915-м году. Об этом языке он, по его собственным словам, не мог ничего узнать даже у галичских старожилов; не удалось ему также и найти каких бы то ни было его следов в повседневном употреблении. Толчком к составлению словаря послужила заметка Фёдора Николаевича Глинки в его «Письмах к другу, содержащих в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования», изданных в 1816-м году. Автор приводит в ней несколько десятков слов из того, что им было названо «галицким наречием», некоторые из которых он считает заимствованными из монгольского, персидского, венгерского языков; а также поговорку, которую называет распространённой среди галичан: «город Галивон, озеро Мирон, а люди Кривизна» [1, с. 543]. Материалом для словаря и работы Виноградова послужили также данные, собранные уроженцем тех мест Иваном Астафьевичем (или Евстафьевичем) Жадовским, сослуживцем и другом Ф.Н. Глинки.

Галичский краевед Н.В. Сотников, говоря о Галичской земле, перечисляет, в том числе и в связи с галичскими меря, Чухлому, Судай, Парфеньеву, Кологрив, Макарьев (Унжу) и Варнавин [Интервью автора: Сотников, Николай Васильевич, 1940 г.р., родился в г. Галич Костромской обл.; образование высшее; инженер-локомотивостроитель, кандидат технических наук, подполковник], и нетрудно заметить, что это те же населённые пункты, которые фигурируют в повести Аиста Сергеева и которые он считает ключевыми точками региональной идентичности меря. «Овсянки» – не научный труд, а художественный вымысел, однако в русле изобретаемой заново идентичности современных мерян – «городских русских, вспоминающих о своих финно-угорских корнях», как мы помним – упоминание в повести реально существующих и, самое главное, доступных для посещения, «осязаемых» точек на карте, становится конституирующим элементом, связывающим современные представления о наследии предков и накопленные краеведами данные о народе, жившем в данной местности ранее.

Для исследователя традиции представляет интерес то, каким образом мерянская идентичность выстраивается заново из, фактически, не-

существующей. Это в значительной мере интеллектуальная реконструкция, мало опирающаяся на наличную традицию. В ход идут не только исторические, этнологические, лингвистические данные, но и реинтерпретация славянской традиции, от которой, на первый взгляд, подобное движение должно было бы дистанцироваться как от ассимилирующей и сдерживающей идентичности: «Известно, что Русских принято относить к славянским народам. Но этническая основа любой нации всегда складывалась из огромного количества народов и племён. Центральное положение при формировании Московитов-Русских в средние века занимали финно-угорские народы Меря, Мещёра, Мурома. [...] Попада мы в то время, нашему взору предстали бы десятки городов – Суздаль (исконное меряньское название Суждал), городища, на основе которых развились Владимир на Клязьме, Москва (от меряньского «моска» – конопля), Клещин (позднее Переславль-Залесский), Углич (тоже, вероятно, меряньское название), Ростов, Галич Меряньский, Плёт и так далее; [...] Мы бы увидели древние сакральные центры меряньского язычества – Синий Камень на Плещеевом озере, капища на озере Неро в Ростове и Ярославле, а так же сотни других. Первая столица на территории Московии тоже была меряньской – это город Сар, бывший в то время столицей Меряний (находился в современной Ярославской области), эдакий прообраз столиц будущей Московии. [...] Славянский язык стал для Меряньского народа языком новой элиты, языком межрегиональной торговли и новой религии. Язык народа Меря, где, как установлено, было много диалектов, на эту роль не подходил, и вымер в 18 веке. Точно так же ирландцы 300–400 лет назад перешли на английский язык, этнически оставшись кельтами. [...] Да здравствует Меря, да здравствует Русский народ!» [6]. Такое же отношение в виде расширения собственной традиции в чуждые, казалось бы, культурные сферы для её легитимизации мы видим и на примере отношения к истории русского православия: не касаясь вопроса истинности такого причисления, упомянем, что на том же ресурсе к культу меряньской Богини Матери возводится день Параскевы Пятницы, 10 ноября, а святитель Леонтий Ростовский называется первым меряньским святым.

Подвергается подобной реинтерпретации не только установленные (или мнимые) исторические факты, но и привычные для русских обычаи и праздники. Так, семик, день поминовения покойных перед Троицей, отмечаемый как русскими, так и соприкасающимися с ними ареалами коми-пермяками, вызывает у современных меря интерес, видимо, в силу близости нерусской, но понятной и осязаемой традиции, с которой можно себя ассоциировать. Построение идентичности новых меря происходит через «освоение» имеющейся в наличии русской традиции, вкладывание в неё содержания и приписывание истории, возможно, никогда с ней не связанной, для того чтобы придать, с одной стороны, за счёт бытующих обычаев веса собственной идентичностной конструкции, а с другой стороны – приписать непривычному для «молодых городских русских» обычаю значимую для самоидентификации нагрузку, достичь гармонии с собственными идентичностями: и русской, и меряньской. Иначе говоря – возможно, что тем, кто сейчас называет себя мерянами, именно это помогает быть русскими.

Другой примечательный случай, в котором переплетается гражданское позиционирование современных меря, произошёл совсем недавно; ситуация, фактически, разворачивается прямо сейчас. В ноябре 2015-го года активисты движения меря присоединились к общественной кампании по спасению разрушающегося Богоявленского собора в Ростове Великом, опубликовав материал под заголовком «Разрушение собора это нарушение прав человека» (в категории «Новости Мерянии») и при-

влекая внимание к происходящему в социальных сетях. Особо при этом в статье отмечается то, что собор был построен на месте каменного идола Велеса, которому меря, населявшие эти земли ранее, якобы поклонялись.

Идентичность меря, несмотря на декларируемый отказ от славянства или религиозной окраски, свойственной родноверию, тем не менее, остаётся глубоко сходным с ним, по сути, явлением. Различие, распределяющее эти два поиска неофициальной и менее институционализированной русской идентичности по разным классам, – это выбор материала, на котором строится конструирование идентичности. Для родноверов таким выступает исчезнувшая традиция религиозная традиция, для новых мерян – археологические и лингвистические данные об исчезнувшем финно-угорском народе. Реконструкция традиционной религии активистами-меря – продукт скорее уже завершённого поиска идентичности, а не личного мистического опыта или религиозных исканий. Религиозная составляющая, однако, для движения меря играет достаточно заметную роль: она «цементирует» идентичность в отсутствие языка, пусть и с использованием формально чуждой традиции. Родноверие как религиозная система также может выступать в качестве идеологической составляющей политических проектов.

Литература

1. Глинка Ф.Н.: Письма к Другу, содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением Исторического повествования: Зинобей Богдан Хмельницкой, или освобожденная Малороссия. СПб., 1816, ч. II – цит. По: Виноградов Н.Н. Галивонские Алеманы. Условный язык галичан (Костромской губернии). Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1915. Воспр. в совр. нап. по изд.: А. Андреев. Магия и культура в науке управления. СПб.: Тропа Троянова, 2000. Стр. 541–581.

2. Декларация Уральского сообщества // Содружество Славия [Интернет-портал]. [Электронный ресурс]. URL: <http://slavya.ru/delo/exped02/finougr.htm> (дата обращения: 18.12.15 г.).

3. Контуры Мерянского. Унорож на Тойге, предшественник Галича // Merjamaa [Интернет-портал]. [Электронный ресурс]. URL: <http://merjamaa.ru/news/unorozh/2011-11-16-397> (дата обращения: 18.12.2015 г.).

4. Kysoto в Киндяково приняло первых паломников [Электронный ресурс] // Меря мир [интернет-портал]. [Электронный ресурс]. URL: <http://merja.ru/?p=719> (дата обращения: 18.12.2015 г.).

5. Лаврентьевская летопись, л. 162 // Лаврентьевская летопись. Электронное представление страниц памятника [Электронный ресурс]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения: 18.12.2015 г.).

6. Меря и единая Россия [Электронный ресурс] // Merjamaa [Интернет-портал]. URL: <http://merjamaa.ru/index/0-2> (дата обращения: 18.12.2015 г.).

7. Осокин, Д.С. (Аист Сергеев). Овсянки // Октябрь, № 10. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2008/10/se12.html> (дата обращения: 18.12.2015 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Glinka F.N.: Pis'ma k Drugu, sodержashhie v sebe: zamechaniya, mysli i rassuzhdeniya o raznykh predmetakh, s prisovokupleniem Istoricheskogo povestvovaniya: Zinobej Bogdan KHMel'nitskoj, ili osvobodhdennaya Malorossiya. SPb., 1816, ch. II – tsit. Po: Vinogradov N.N. Galivonskie Alemany. Uslovnyj yazyk galichan (Kostromskoj gubernii). Petrograd: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1915. Vospr. v sovr. nap. po izd.: A. Andreev. Magiya i kul'tura v nauke upravleniya. SPb.: Tropa Troyanova, 2000. Str. 541–581.

2. Deklaratsiya Ural'skogo soobshhestva // Sodruzhestvo Slaviya [Internet-portal]. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://slavya.ru/delo/exped02/finougr.htm> (data obrashheniya: 18.12.15 g.).

3. Kontury Meryanskogo. Unorozh na Tojge, predshestvennik Galicha // Merjamaa [Internet-portal]. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://merjamaa.ru/news/unorozh/2011-11-16-397> (data obrashheniya: 18.12.2015 g.).

4. Kÿsoto v Kindyakovo prinyalo pervykh palomnikov [EHlektronnyj resurs] // Merya mir [internet-portal]. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://merja.ru/?p=719> (data obrashheniya: 18.12.2015 g.).

5. Lavrent'evskaya letopis', l. 162 // Lavrent'evskaya letopis'. EHlektronnoe predstavlenie stranits pamyatnika [EHlektronnyj resurs]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (data obrashheniya: 18.12.2015 g.).

6. Merya i edinaya Rossiya [EHlektronnyj resurs] // Merjamaa [Internet-portal]. URL: <http://merjamaa.ru/index/0-2> (data obrashheniya: 18.12.2015 g.).

7. Osokin, D.S. (Aist Sergeev). Ovsyanki // Oktyabr', № 10. 2008 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2008/10/se12.html> (data obrashheniya: 18.12.2015 g.).